Ю.В.Сливчикова

Костюм политика в иберо-американском политическом дискурсе

В статье рассматриваются способы воздействия средств массовой информации на подсознательное восприятие образа политика через описание его костюма посредством словесного выражения таких концептов, как «протокольность», «модность» и «близость к народу». В качестве материала для исследования были выбраны ключевые печатные и интернет-издания Испании и ряда стран Латинской Америки, что позволило путем сравнительного анализа выделить признаки, из которых состоит описание костюма, а также произвести их структурный анализ и классификацию. Автор делает вывод об особой важности описания одежды в газетно-публицистическом дискурсе иберо-американского медийного пространства и призывает уделить внимание данному вопросу в ходе подготовки специалистов-международников и переводчиков.

Ключевые слова: политический дискурс, вестиментарная лексика, костюм, концепт, протокол.

В эпоху ядерного равновесия одним из средств политического давления на международной арене, наряду с экономическими санкциями, является информационная война. Слово в устах политика и дипломата и раньше было серьезным оружием, которое способно примирить и спасти, но также и внести раздор, зародить ненависть, разрушить и уничтожить. Для современного общества становится характерным тот факт, что между правящей элитой и народом существует огромное количество средств массовой информации, в корыстных целях предлагающих свое толкование событий. Происходит так называемая медиатизация политики. Сообщение о любом событии моментально распространяется, обрастая хитросплетением дополнительных смыслов, трактовок, и часто первоисточник просто блекнет и исчезает из памяти, замещаемый публицистическим продуктом. К современному общественно-политическому дискурсу, распространяемому через дискурс СМИ, применима идея о рекламном дискурсе, высказанная фран-

Юлия Владимировна Сливчикова — преподаватель испанского языка, МГИМО-Университет МИД России (aurora85@bk.ru).

цузским философом-постмодернистом Жаном Бодрийяром в его «Системе вещей». Согласно Ж.Бодрийяру, дискурс от информирования постепенно перешел «к внушению, затем к «незаметному внушению», что вызывает опасение угрозы тоталитарного порабощения сознания человека в недалеком будущем. Тактика политического дискурса «основана на раздвоении: социальная действительность раздваивается на реальную сущность и образ, который ее скрадывает, делает неразличимой»[1].

Обычно протокольное мероприятие, включая речь политика, соткано из символов и знаков. Возьмем любую встречу на высшем уровне, которая зачастую является своего рода театрализованным представлением, заблаговременно подготовленным целым штатом экспертов, советников и сотрудников протокольного отдела: обговариваются все мельчайшие детали в соответствии с принятым международным этикетом, обозначается, как дóлжно двигаться, с кем и как поздороваться, куда сесть, во что быть одетым, что будет подано к столу, заранее пишется и выверяется речь. Соответствие протоколу в одежде, как и соблюдение правил по рассадке гостей на приеме, очередности прибытия на прием и т.п., является одним из инструментов регулирования международных отношений, несоблюдение норм делового этикета расценивается как проявление неуважения к партнеру. Бывают неприятные оплошности, например, известный случай с советским дипломатом, которому неопытный сотрудник протокольного отдела рекомендовал надеть черный галстук, хотя по протоколу мероприятия предполагалась «black tie». На самом деле в этом случае речь шла лишь об обязательном наличии черного или темно-синего смокинга и бабочки в тон. Важно понимать, что нарушение протокола по ошибке или с определенным намерением имеет одинаково негативные последствия для дипломата или политика, а самое главное — для организации, партии или страны, ими представляемых.

Все это понятно узкому кругу посвященных, но требует разъяснений для обывателей. Кроме того, что любое описание действительности изначально является субъективным, трактовка стандартных для протокола символов допускает неточность или ошибочность в силу воспитания, образования, осведомленности, национальной принадлежности и прочих характеристик интерпретатора. Что и говорить об осведомленности и компетентности многих журналистов, освещающих мероприятия подобного ранга. Но их комментарии, как ошибочные, так и высоко профессиональные, в частности, описание костюма, никогда не остаются незамеченными и глубоко врезаются в сознание читателя, формируя в нем определенное представление об имидже политика и отношение к нему. За последние полстолетия образ политика стал неотъемлемой частью его политической компании. Приятному во всех отношениях человеку хочется верить, и представляемая им информация воспринимается охотнее. Образ включает в себя прическу, костюм, на котором мы ниже заострим наше внимание, аксессуары, речь, ухоженные руки, жестикуляцию и т.д. Поэтому у современных политических деятелей есть целый штат имиджмейкеров, озабоченных формированием красивой картинки в нашем сознании. Но исчерпывается ли их задача созданием одной лишь картинки?

В эру преимущественно визуального восприятия информации газеты и журналы пестрят фотографиями, оставляя текстам относительно неболь-

шое пространство. Однако нельзя недооценивать их значение. Описание в газетно-публицистическом дискурсе включает информацию, которую изображение не сообщает. Слово заостряет внимание на некотором необходимом уровне распознаваемости. То есть язык заставляет нас воспринимать, в данном случае одежду так, как это нужно автору описания, «фиксирует уровень дешифровки», привлекая внимание к деталям, например, ткани или поясу. Кроме этого слово несет в себе познавательную и эмфатическую функции: рассказывает о цвете на черно-белой фотографии, о невидимых глазу деталях, наделяет одежду системой функциональных оппозиций. Смысл изображения всегда неустойчив. Образ передает множество возможностей, а слово фиксирует определенность. Язык дополняет образ знанием[2]. Все эти функции направлены на выявление некой сущности, и эта сущность может быть протоколом или модой, как мы увидим позже, которые по своей сути являются универсальными концептами.

Вслед за лингвистами Воронежского государственного университета Зинаидой Даниловной Поповой и Иосифом Абрамовичем Стерниным концептом мы называем базовую единицу мыслительного кода человека, которая несет энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, а также, что для нас важно, интерпретацию и отношение общественного сознания к данному предмету или явлению»[3]. Концепт может обладать индивидуальными, групповыми, социальными и национальными особенностями. Это находит отражение в языке. Язык запечатлевает, хранит и передает мировидение, мироощущение и опыт народа. «Образующие национальную концептосферу ментальные единицы являются основой образования когнитивных стереотипов — суждений о действительности»[4] или менталитетов благодаря или из-за которых все мы воспринимаем окружающую действительность по-разному. Существуют национальный менталитет, групповой и менталитет конкретной личности, который, естественно, обусловлен двумя вышеперечисленными. Часть концептосферы, выраженная в языке и образуемая значениями языковых единиц, является семантическим пространством языка. Изучая особенности описания одежды в газетно-публицистическом дискурсе, мы сталкиваемся с проявлением подсознания, которое не всегда находит выражение в языке, что вынуждает нас выйти за пределы чисто лингвистического исследования языковой картины мира и перейти к лингвокогнитивному исследованию концептуальной картины мира, под которой мы понимаем образ действительности, сформированный подсознанием человека или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления. Это совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой»[5]. Добавим, что некоторые стереотипы и концепты не только задаются культурой, но активно навязываются человеку посредством манипулятивных техник, используемых, в частности, в газетно-публицистическом дискурсе, что более подробно исследует российский ученый-романист Марина Владимировна Ларионова[6].

Так, например, СМИ для передачи информации используют периферию, а не ядро номинативного поля концептов, тем самым скрывая истинность своей коммуникативной интенции. Как же образуется семантика высказывания об одежде политика или дипломата в газетно-публицистическом

дискурсе, и почему простой читатель не всегда способен различить в своем сознании реальность костюма и те смыслы, которыми он обрастает?

Французский философ и семиотик Ролан Барт в своей монографии «Система моды» 1967 г., применяя прием коммутации, который заключается в наблюдении за изменением в понимании или использовании определенной структуры при варьировании одного из ее элементов, выделяет два больших коммутативных класса на уровне одежды-описания в модных журналах: в один включаются все черты одежды, а в другой — все черты характера (скромный, забавный и т.д.) или обстоятельства (для вечера, для уик-энда, для школы и т.д.). С одной стороны — формы, материалы, цвета, с другой — ситуации, занятия, состояния, настроения; с одной стороны — одежда, с другой — внешний мир. Вариация в одежде неизбежно сопровождается вариацией во внешнем мире и наоборот («Комплекс А»: одежда/мир).

Во всех других случаях, когда одежда не соотносится с внешним миром, перед нами возникает другая, новая пара коммутативных классов — одежда и мода (содержит одну вариацию модное — старомодное). В отличие от первой пары модность почти никогда не высказывается прямо, остается имплицитной («Комплекс В»: одежда/мода)[7].

Между коммутативными классами существует отношение эквивалентности, а не тождественности. В соответствии с терминологией швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра описание как отношение вестиментарного означающего и мирского или модного означаемого вслед за Бартом мы назовем знаком. Вестиментарный знак может читаться лишь через дискурс, который превращает его либо в функцию (эта вещь служит для такого-то мирского применения), либо в утверждение ценности (эта одежда в моде)[8].

Человек, читающий или слушающий, редко способен различить прямой и скрытый смыслы сообщения, на этом и основывается собственно влияние СМИ на общественное мнение. На уровне описания костюмов политиков, дипломатов и светских персонажей в газетных статьях мы также можем говорить о коммутативных классах, в которых, однако, в отличие от обычной повседневной одежды (в силу исторически сложившихся обстоятельств) на первый план выходит оппозиция «соответствует/не соответствует протоколу». Уникальная вариация делает возможной коммутацию. Протокольность, как и модность у Барта, почти всегда остается имплицитно выраженной, но непременно имеет структуру «Комплекса А», поскольку одежда в рамках протокола всегда обусловлена внешним миром: временем года и суток, местом и статусом мероприятия.

Обратимся к примерам. Показательным является описание костюма президента Боливии Эво Моралеса в прессе Боливии и Испании, причем не только как образец вышеописанной схемы зашифровки сообщения, но и как пример различной его дешифровки в силу особенностей национально-культурного мировидения[9] испанских и боливийских читателей. Король Испании дважды встречал господина Моралеса во дворце Сарсуэла — в 2006 и 2013 гг. Испанская газета «ABC» так описывает эти события.

2006 г.: «El presidente de Bolivia, Evo Morales, se presentó en La Zarzuela a una audiencia con el Rey con un jersey»[10]. — «Президент Боливии Эво Моралес предстал перед королем во дворце Сарсуэла в свитере»*.

---

* Здесь и далее перевод автора.

2013 г.: «… Evo Morales, … llevaba un traje de color azul marino con fragmentos de aguayo cosidos en el pecho, el cuello y los bolsillos. El aguayo es un tejido hilado a mano que utilizan las mujeres del Altiplano peruano y boliviano. Bajo el traje de chaqueta, el dirigente indígena lucía una camisa blanca, también sin cuello y con bordados en azul. Las explicaciones sobre el traje las ofrecía un portavoz de la Embajada de Bolivia en España, seguramente sorprendido de que los periodistas españoles preguntasen sobre la ropa, como si Morales fuera Carla Bruni. Pero lo cierto es que se trataba de un atuendo mucho más elegante que su famoso jersey de rayas, su clásico poncho andino o la cazadora ribeteada con toques indígenas y con mangas de murciélago que lució el domingo en Leganés. En su armario seguro que no hay un modelo mejor para visitar al Rey»[11]. — «На Эво Моралесе был надет костюм цвета морской волны с элементами агуайо на груди, вороте и карманах. Агуайо — это ткань, сделанная вручную, которую используют женщины перуанской и боливийской части плато Анд. Под пиджаком президента Боливии была белоснежная рубашка, также без ворота и с синей вышивкой. Объяснения по поводу костюма предоставил пресс-атташе посольства Боливии в Испании, очевидно удивленный тем, что испанские журналисты задают вопросы об одежде, как если бы Эво Моралес был Карлой Бруни. Но, конечно, речь шла о наряде гораздо более элегантном, чем знаменитый полосатый свитер, его классическое пончо или куртка с элементами индейской отделки и рукавом летучая мышь, которая была на нем в воскресение в Леганес. В его гардеробе наверняка нет ничего лучше для визита к королю».

Описание в обоих случаях содержит в себе информацию об определенных житейских обстоятельствах. Речь идет об официальном визите президента к королю, и посвященный круг читателей знаком с протоколом встречи подобного ранга. В частности, мужчины должны быть одеты в темный костюм. Наблюдая за тем, как одеты мужчины на приемах подобного уровня, мы действительно заметим, что все они носят костюмы. Данная знаковая система располагается в реальности, и можно не знать языка или быть глухонемым, но, поприсутствовав на мероприятиях такого рода, с очевидностью понять это. То есть перед нами эквивалентность реального мира и реальной вещи, иными словами, реальный вестиментарный код. Однако читая описание одежды в газете, мы не видим ее перед собой, она нам представляется в виде совокупности элементов испанского языка, так что язык образует вторую систему, которую мы назовем «словесным вестиментарным кодом или терминологической системой, поскольку она просто денотирует реальность мира и одежды в форме номенклатуры»[12]. Сама фраза знаменует собой протокол (соответствие или несоответствие ему), становясь означающим для нового означаемого. Протокол тем самым обобщает знаковое отношение между кроем и цветом костюма, а также его наличием и родом и рангом мероприятия, которое утверждалось во второй системе. Самим фактом упоминания терминологическое высказывание означает протокол. Но приглядевшись внимательно к высказываю о протоколе, взятому из газетной статьи, мы можем заметить еще один интересный факт. Газета, желая создать у читателя представление о мире, даже навязать ему свое видение, сформировать отношение к событиям или личностям, использует определенный набор языковых средств, тем самым образуя еще одно дополнительное сообщение или последнюю, ритори-

ческую систему. Напомним, что у читателя нет времени анализировать данную структуру снизу, как это следовало бы делать. Он воспринимает ее целиком сверху. Ему передается иронически-негативное отношение к Моралесу, нарушившему вековые традиции протокола, выказавшему тем самым неуважение королю, а в его лице и всей Испании, презрение к устоям Старого Света. Обратим внимание на то, что в первом примере, в отличие от второго, где протокольность выражена эксплицитно, опущено толкование события в расчете на осведомленность читателя, однако выбор риторических средств наталкивает нас на необходимый модус осмысления фразы.

Президент Боливии Эво Моралес (справа)

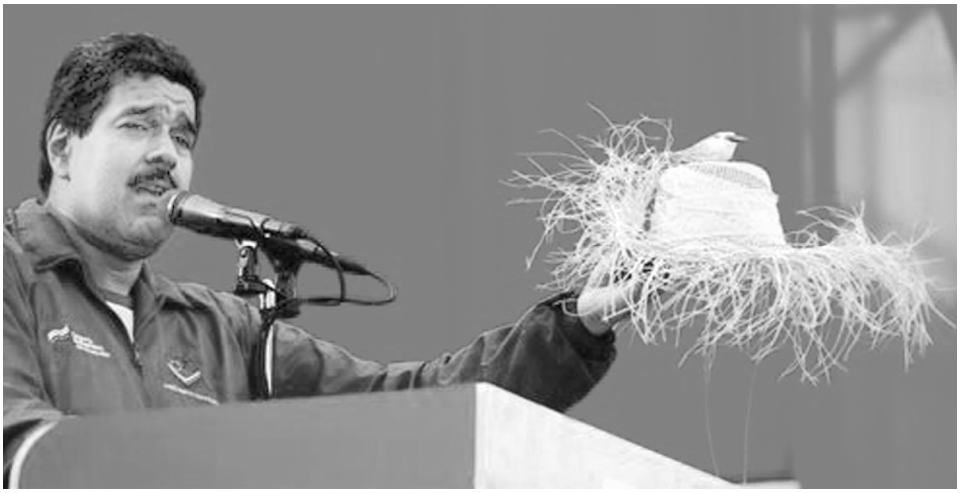
Сравним изложенное выше с описанием костюма Моралеса в боливийской прессе. Издание «La Razón» пишет: «En su primera gira internacional — antes de su posesión, pero ya como presidente electo, cuando hizo famosa la chompa a rayas guinda, blanca y azul — se mostraba como un futuro mandatario desaliñado al que poco le importaban las apariencias, actitud acorde con su pasado y su ascenso desde la lucha sindical. <…> El tiempo pasó y ahora se puede decir que Morales ha sufrido lo que los gringos llaman un extreme make over, es decir un cambio radical de apariencia, al menos su modo de vestir <...> De notoria elegancia, estas piezas son confeccionadas por diseñadores de alta moda del país. En lo que hay que posar la vista no es en las «incrustaciones» de aguayo que presumen una significación por demás evidente, sino en los cuellos. <...> Si uno ve pinturas de algunos de los primeros presidentes como Simón Bolívar, Antonio José de Sucre o el Mariscal de Zepita, notará que hay un «aire de familia» en los cuellos de sus trajes y los de Morales. Entonces, se puede decir, el vínculo se hace visible, los cuellos de sus ternos quieren hacer de signo de «bolivaridad», es decir de una continuidad específica con una parte del pasado republicano»[13]. — «В ходе своего первого международного турне — до вступления в должность, но уже будучи избранным президентом, когда стала знаменитой бордово-бело-синяя чомпа (свитер) в полоску — он выглядел, как неряшливый глава государства, который не стеснялся своей внешности, поведения, соответствующего его прошлому, и своего происхождения из рабочей среды. Прошло время, и можно сказать, что Моралеса, как говорят американцы, «перепрошили», т.е. его внешность, по крайней мере одежда, претерпели значительные изменения. Очевидно элегантные, эти вещи создаются отечественными дизайнерами высокой моды. На что нужно обратить внимание, так это не на вставки из агуайо, которые имеют более чем очевидное значение, а на воротники. Если Вы посмотрите на портреты первых президентов, таких как Симон Боливар, Антонио Хосе

де Сукре или маршала де Сепита, то заметите нечто общее между их воротниками и воротниками Моралеса. То есть можно сказать, что связь становится очевидной: воротники его троек говорят о «боливийскости», другими словами об определенной преемственности с частью республиканского прошлого».

Итак, для боливийцев появление президента в свитере на официальных мероприятиях становится уже не знаком нарушения норм протокола, а символом близости к народу, дани уважения своим корням. Костюм же со вставками и вышивками получает совсем неожиданную для непосвященного читателя трактовку. Причем, если упомянутый вскользь материал вставок все еще говорит о близости к народу, что не требует особого разъяснения для боливийских читателей, то орнамент на воротнике заставляет автора обратиться к ресурсам риторическим и экстралингвистическим для создания нужного образа у читателя. Так, один и тот же костюм с разных точек зрения может нести в себе общепонятные концепты «протокольности», «близости к народу» или национально обусловленный «боливийскости». Причем один концепт может иметь различную оценку. Например, «близость к народу» Моралеса «ABC», скорее, высмеивает, «La Razón» ставит в заслугу. Негативную коннотацию несет в себе и «близость к народу» в описании одеяния президента Венесуэлы Николаса Мадуро, о чем недвусмысленно свидетельствует риторика «ABC»: «El sombrero de paja no ha sido el único que ha combinado Maduro con su poblado bigote, su chándal y sus guayaberas»[14]. — «Соломенная шляпа была не единственным предметом одежды, который Мадуро сочетал со своими густыми усами, спортивным костюмом и своими гуаяберас»*.

В коротком описании одежды зашифровано множество смыслов. В соломенной шляпе в форме гнезда с птицей Мадуро появился на одном из митингов в ходе своей предвыборной компании, рассказав, что эту вещь ему подарил один соотечественник из Никарагуа, который сказал, что она похожа на головной убор вьетнамских солдат из армии Хо Ши Мина, коммуниста и борца за независимость Вьетнама, что не могло не вызвать симпатии венесуэльцев. Как заявил Мадуро ранее, «незабвенный Чавес» явился ему как-то во сне в виде птицы. Так что птица на шляпе также символизировала знаменитого президента Венесуэлы, как и спортивный костюм с цветами национального флага, который тот ввел в моду и который Мадуро, начиная со дня похорон президента, чередует, как костюм для официальных мероприятий, с гуаяберой. Эту национальную кубинскую рубашку по указанию главы республики Рауля Кастро провозгласили в 2010 г. официальной одеждой кубинских дипломатов, заменив ею костюмы и смокинги, хотя неофициально она еще задолго до этого стала излюбленным предметом одежды не только кубинских политиков, но и известных деятелей других государств Латинской Америки. Гуаябера быстро превратилась в праздничную-протокольную одежду и горожан, и сельских жителей, ее популярность вскоре вышла за пределы страны и теперь ее охотно носят в Мексике, в странах Центральной Америки и Карибского бассейна. Так что гуаябера стала символом единства латиноамериканских государств и их

* Гуаябера — рубашка навыпуск, часто с коротким рукавом. — *Прим. ред.*



Президент Венесуэлы Николас Мадуро

борьбы за независимость. Итак, наряды Мадуро несут в себе по отдельности концепты социализма, независимости, борьбы, чавизма, латиноамериканскости и др., и все вместе — «близости к народу». Грамотное использование гардероба дает политику дополнительные очки в глазах избирателя, но перегруженность вещами-символами, как перенасыщенность смыслами, создает ощущение искусственности, и, в нашем случае, читатель воспринимает данный плеоназм как фальш, что подрывает доверие к кандидату. Политики часто играют на чувствах народа, стараясь казаться ближе и проще, а потому журналисты из оппозиционного лагеря видят своей задачей разоблачать их обман.

Вот, как описывает чилийская газета «La Nación» появление госпожи президента Аргентины на официальном мероприятии, вызвавшее массу комментариев в соцсетях и в прессе. «Sin abandonar el luto que no se ha quitado desde el fallecimiento de su esposo, el ex Presidente Néstor Kirchner, en 2010, la Mandataria eligió unos ajustados «leggins», muy de moda actualmente entre las jóvenes, que combinó con una blusa a la cadera, unos zapatos de tacón alto y un collar de perlas»[15]. — «Не снимая траура, который она носит с кончины своего супруга президента Нестора Киршнера в 2010 г., госпожа президент выбрала обтягивающие леггинсы, очень модные последнее время среди молодежи, которые она надела с блузкой выше бедра, туфлями на высоком каблуке и жемчужным колье». Графическое выделение и риторика газеты не оставляют иного выбора, кроме как остановить внимание на внешнем виде Кристины Фернандес де Киршнер и осудить подобный костюм. Вступают в противоречие концепты «моды» и «протокола». Концепт «протокола» включает здесь концепт «траура».

Протоколом не предусмотрены сроки траура, но столь длительное ношение госпожой президентом Аргентины черного одеяния в знак скорби о скончавшемся муже является беспрецедентным и наводит специалистов на мысль о том, что это вызвано не столько сентиментальностью, сколько политической расчетливостью. Люди всегда соболезнуют тем, кто потерял близких, тем более народ сопереживает женщине — главе государства.

Президент Уругвая Хосе Мухика (слева)

Политика строится на эмоциональном воздействии на избирателя, а что может быть более эмоциональным, чем смерть? Кроме того, траур очевиднее связывает нынешнюю главу государства в сознании граждан с фигурой популярного Нестора Киршнера, что поднимает ее рейтинг. Но когда в «траур» вмешивается «мода», она обесценивает весь смысл ритуала, превращает его в фарс и обижает людей, искренне соболезнующих вдове.

Вопрос о том, должен ли политик одеваться модно, — дискуссионный. Концепт «мода» в общественно-политическом дискурсе, скорее, воспринимается сознанием как чужеродный и приобретает негативную оценку. Значение моды посему часто выражено имплицитно через структуру «Комплекса В», а само его упоминание, скорее всего, говорит о намерении автора нанести вред имиджу героя. Рассмотрим описание костюма министра экономики Аргентины Акселя Кисиллофа, которое мы находим в номере газеты «El País» от 31.01.2014 г. «Un año después, se le ve en la Casa Rosada con pantalones vaqueros y chaqueta, con cuaderno y boli, rodeado de su equipo económico, gente del mismo porte juvenil, con chaqueta y sin corbata»[16]. — «Через год мы встречаем его в Розовом доме (официальная резиденция президента Аргентины. — *Ю.В.*) в джинсах и пиджаке, с тетрадкой и ручкой. Он окружен своей командой экономистов, такими же молодыми людьми в пиджаках и без галстука».

Сам факт упоминания гардероба этого друга Максимо Киршнера, сына госпожи президента Аргентины, отвлекает читателя от политического содержания его образа и наталкивает на эмоциональное восприятие и осмысление. Очевидно, что люди консервативного толка, еще не ознакомившись с программой министра, сделают первые выводы по его внешнему виду — впечатление, которого добилась газета и которое в дальнейшем нелегко будет изменить.

Заметим, что данное высказывание все же содержит в себе «мирское» составляющее, но отношение между Розовым домом и костюмом политика не говорит о модности, а значит, оно содержит в себе еще одну коннотацию — коннотацию протокола. Отношение предметов одежды и внешнего мира, в данном случае здания кабинета министров и резиденции президента Аргентины, (джинсы — пиджак — без галстука — Розовый дом), оче-

видно указывает на несоответствие нормам этикета. Таким образом, внешний вид г-на Кисиллофа имеет коннотативные значения «модный» и «не соответствует протоколу», что делает его ближе к народу, но лишает доверия в политических консервативных кругах. Так что одно и то же сообщение может быть прочитано по-разному. Мы можем констатировать тот факт, что словесное выражение концептов «мода» и «близость к народу» совпадают, пересекаясь только в части когнитивных признаков. Деятель, близкий к народу, может не одеваться модно, иногда изначально немодный стиль политика — любимца народа — становится модным или даже рождает собственный концепт, а бывают случаи, когда мода не завоевывает симпатии соотечественников.

Отчаянным нарушителем протокола и заядлым противником моды считается президент Уругвая Хосе Мухика, его манера одеваться не раз уже занимала первые полосы латиноамериканской прессы. Так, его появление в коротких брюках и открытых сандалиях во время представления нового министра экономики было расценено аргентинской газетой «Clarín» как несоответствие протоколу («poco apego al protocolo»), однако, вместе с тем, и как проявление «sencillez», т.е. простоты и скромности. Перуанское издание «El Comercio» с восхищением назвало Х.Мухику самым эксцентричным президентом Латинской Америки[17]. В то же самое время испанская «ABC» раскритиковала его высокомерное пренебрежение международными нормами.

Наши наблюдения показали, что в Латинской Америке, в отличие от Старого света, концепт «соответствие протоколу» не является ключевым в восприятии образа политического деятеля. Главное для политика быть ближе к народу, и эту близость активно культивируют имиджмейкеры в реальности и журналисты на страницах печатных и интернет-изданий. Возможно, что именно стиль латиноамериканских правителей повлиял на нормы протокола, который с каждым годом становится все демократичнее, о чем свидетельствуют отказ от официальных костюмов и мундиров на протокольных мероприятиях в ряде стран и популярность так называемых встреч без галстука. Можно соответствовать протоколу, но одеваться немодно и не быть близким к народу. Случается, что в погоне за модой политик забывает о своем высоком назначении и теряет чувство меры. Иногда элементы национального колорита в костюме приводят к казусам, которые приносят не только любовь народа, но и презрение политической элиты. Таким образом, изучать способы словесного выражения концептов «протокольности», «модности», «близости к народу» необходимо не только специалистам по связям с общественностью и международным отношениям и политологам. Это важно и профессиональным переводчикам, а также преподавателям перевода и иностранного языка, поскольку незнание тонкостей значений в описании одежды может привести к трудностям в понимании образа политика или дипломата в целом, а от подобных нюансов часто зависит успешность межнациональной коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ж.Б о д р и й я р. Система вещей. М., 2001, с. 189—190.

[2] Р.Б а р т. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2004, с. 47—70.

[3] З.Д.П о п о в а, И.А.С т е р н и н. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток — Запад, 2010, с. 19, 54.

[4] Там же, с. 60.

[5] Там же, с. 52.

[6] М.В.Л а р и о н о в а. Пресуппозиция как способ манипулятивного воздействия (на примере испанского газетно-публицистического дискурса). — Вестник МГИМО-Университета, 2013, № 2, с. 220—224.

[7] Р. Б а р т. Указ. соч., с. 54—58.

[8] Там же, с. 61.

[9] В.А.И о в е н к о. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография В.А. Иовенко. М., 2013, 219 с.

[10] El presidente de Bolivia, Evo Morales, se presentó en La Zarzuela a una audiencia con el Rey con un jersey. ABC.es. 05.VI.12. — http://www.abc.es/fotos-estilo/20120605/presidente-bolivia-morales-presento-1502894159679.html

[11] Lo mejor del armario de Evo. ABC.es. 15.IX.09. — http://www.abc.es/hemeroteca/historico-15-09-2009/abc/Nacional/lo-mejor-del-armario-de-evo_1024125013453.html

[12] Р.Б а р т. Указ. соч., с. 70.

[13] R.A.A g r a m o n t. Los trajes de Evo, la sonrisa de Samuel y la barba de Juan. La Razón. 10.VIII.14. — http://www.la-razon.com/suplementos/animal_politico/trajes-Evo-sonrisa-Samuel-Juan_0_2103989646.html

[14] M.A r r i z a b a l a g a. Del rap de Maduro al pajarito de Chávez y maldición de Macarapana. ABC.es. 13.IV.13. — http://www.abc.es/internacional/20130413/abci-maduro-pajarito-chavez-maldicion-201304111252.html

[15] Cristina Fernández se luce con unas calzas ajustadas y revoluciona Twitter. Nacion.cl. 20.09.2013. — http://www.lanacion.cl/noticias/mundo/argentina/cristina-fernandez-se-luce-con-unas-calzas-ajustadas-y-revoluciona-twitter/2013-09-20/214309.html

[16] F.P e r e g i l. Kicillof, la cara guapa de la economía argentina. El País, 31.I.14. — http://elpais.com/elpais/2014/01/31/gente/1391191651_929422.html

[17] La indumentaria del presidente de Uruguay en un acto oficial, la foto más comentada del día. Revista Protocolo.com. 27.XII.13. — http://www.revistaprotocolo.es/protocolo-social/imagen-personal/11894-la-indumentaria-de-pepe-mujica-en-un-acto-oficial-la-foto-mas-comentada-del-dia.html